U 426
214

V 1/96.

Иванъ Коссовичъ.

Павелъ Николаевичъ
БОЧАРОВЪ
ПОГАШЕНО
И 426/214

Земство, школа, приходъ.

Съ предисловіемъ **Сергѣя Шарапова.**

Особое приложеніе къ № 1 «Русскаго Труда» 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. А. А. Пороховщикова. Бассейная, д. 3—5.
1899.

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

С. Ѳ. Шарапова.

По русскимъ хозяйствамъ. Путевыя письма въ „Новое Время“, пересмотрѣнныя и дополненныя. М. 1893 г. Ц. 2 р.

А. Н Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки (съ 2 портретами). Публичное чтеніе въ Историческомъ Московскомъ Музеѣ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Франція и Славянство. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Спб. Славянскаго Благотв. О-ва. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Собраніе сочиненій С. Ѳ. Шарапова. Т. I. Церковные вопросы. Публичныя рѣчи Путевыя письма. Т. II. Путевыя письма. Спб. 1894. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. (отдѣльно не продаются).

Къ свѣдѣнію будущаго министра Земледѣлія. (Второе изданіе „Писемъ о голодѣ“). Обмѣнъ мыслей между Рцы, N*, Н. П Аксаковымъ и С. Ѳ. Шараповымъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895 г. Ц. I руб.

По садамъ и огородамъ. Путевыя письма въ „Русскую Бесѣду“. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Бумажный рубль. Его теорія и практика. Изслѣдованіе о научныхъ законахъ бумаго-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

По Черноморскому побережью. Путевые очерки изъ поѣздки въ составѣ экспедиціи министра Земледѣлія осенью 1894 г. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Крестьянскій плугъ. Публичное чтеніе въ Императорскомъ Сельско-Хозяйственномъ музеѣ (съ рисунками). Спб. 1896 г. Ц. 10 коп.

Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 частяхъ. Спб. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Чѣмъ спасти Русское дворянство? Цѣна 10 коп.

Русская реклама. Ал. Веригина. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.

М. Г. Черняевъ (съ портретомъ). Спб. 1898 г. Ц. 5 к.

Капиталы и долги. (Докладъ по порученію Г. В. Бутми въ Обществѣ для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ). Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Сѣверный морской путь. Викт. Кельина и Ник. Чукмалдина. Спб. 1898 года Ц. 20 к.

Деньги земледѣльческой страны Александра Фролова. Спб. 1898 г. Цѣна 20 к.

Измѣненіе денегъ. А. Шабри. Переводъ съ французскаго Сергѣя Шарапова. **Еще о Сѣверномъ морскомъ пути.** Виктора Кельина. Ц. 20 к.

Бѣглый солдатъ Скрыпа и мое ученье. Николая Чукмалдина. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Мнимое перепроизводство серебра Павла Оля и Сергѣя Шарапова. Ц. 20 к.

О русскомъ церковномъ управленіи протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. Спб. 1898 г. Цѣна 40 к.

Царь-Освободитель (съ потретомъ Государя Александра II). А. А. Пороховщикова Ц. 10 коп.

Теорія государства у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. Аксакова. К. С. Аксакова. Ав. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. Самарина и С. Ѳ. Шарапова. Цѣна 50 коп.

Притязанія Германіи на турецкое наслѣдство. Брошюра «Всенѣмецкаго Союза» пер. Д. Янчевецкаго съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Ц. 10 к.

Александръ Тропенасъ и производство стали по его способу въ Россіи. С. Шарапова и М. Сендзиковскаго. Ц. 10 к.

6972

ПОГАШЕНО

Иванъ Коссовичъ.

И 426/214

Земство, школа, приходъ.

Съ предисловіемъ **Сергѣя Шарапова.**

Особое приложеніе къ № 1 «Русскаго Труда» 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. А. А. Пороховщикова. Бассейная, д. 3—5.
1899.

2007044245

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

71782-46

ПОГАШЕНО

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта брошюра,—истинный вопль человѣка, понявшаго коренную причину нашихъ неуспѣховъ въ дѣлѣ служенія народу,—предназначалась для разсылки гг. губернскимъ гласнымъ передъ осенними земскими собраніями, дабы предупредить ихъ отъ повторенія Харьковской ошибки. Она нѣсколько запоздала, но тѣмъ ея значеніе не умаляется. Среди остраго экономическаго кризиса, который мы переживаемъ, энтузіазмъ нашъ къ развитію сѣти училищъ значительно поохладѣлъ и едва-ли на осеннихъ сессіяхъ только что истекшаго года были какія-нибудь крупныя ассигнованія. Да и въ самомъ Харьковскомъ земствѣ очень скоро наступила реакція и получился довольно неожиданный результатъ. Намъ передавали, что нѣкоторыя уѣздныя земства, въ виду крупнаго расхода на школы со стороны губернскаго, ровно настолько-же сократили свои школьные бюджеты. Да этого и слѣдовало ожидать, ибо всѣмъ ясно, что не нынѣшняя школа, земская, министерская или церковно-приходская спасетъ насъ и выведетъ на истинный путь къ благосостоянію и просвѣщенію.

Авторъ указываетъ русскому земству совсѣмъ иную программу. Создайте прежде всего живую, органическую земскую единицу, покончите нынѣшнюю разрозненность и безсильное одиночество, дайте просторъ *союзному началу*, освѣщенному высшимъ свѣтомъ Церкви и глубоко лежащему въ народномъ сердцѣ, но заглу-

шенному и почти истребленному разрушительными тенденціями, властно врывающимися извнѣ, и у васъ *въ само-управляющемся приходѣ* закипитъ жизнь и само собой явится истинное и могучее просвѣщеніе.

Этимъ будетъ выполненъ нашъ долгъ передъ народомъ. Безъ этой живой организаціи въ духѣ русскаго народа и родной исторіи, безъ любви и союзности *просвѣщеніе* обращается въ *образованіе*, *школа* въ *училище грамоты* и вмѣсто національной культуры и истиннаго прогресса, получается мракъ и одичаніе.

Страшнымъ поистинѣ ходомъ идетъ развращеніе духовное и національное обезличеніе русскаго народа. Есть-ли въ нашемъ „европейскомъ“ обществѣ какія нибудь силы, могущія остановить этотъ ужасный процессъ? Г. Коссовичъ вѣритъ этому, онъ видитъ эти элементы въ скромныхъ, разбросанныхъ по Россіи земскихъ дѣятеляхъ. Къ нимъ его слово, горячее и вдохновенное, выстраданное въ любящемъ сердцѣ и потому искреннее и властное.

Да будетъ же услышанъ его призывъ!

Сергѣй Шараповъ.

Земство, школа, приходъ.

I.

Въ Харьковскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи сессіи 1897 года былъ заслушанъ докладъ гласнаго Н. Н. Ковалевскаго о внесеніи въ смѣту расходовъ губернскаго земства 200 тысячъ рублей на дѣло народнаго образованія. Предложеніе было принято, смѣта утверждена. Ниже я приведу докладъ съ возможной полнотой, а теперь маленькое предупрежденіе вниманію читателя: изъ доклада мы увидимъ, что авторъ его все время говоритъ о *школѣ и народномъ образованіи*; вліяніемъ этихъ началъ авторъ объясняетъ успѣхи западныхъ народовъ ихъ культурность. И затѣмъ, незамѣтно для самого себя, повидимому, не понимая, что *школа и образованіе* отнюдь не отождествляются съ понятіемъ объ *училищѣ и грамотности* вводитъ собраніе въ заблужденіе, заставляя его внести въ смѣту расходовъ 200.000 р., въ пору значительныхъ экономическихъ затрудненій *не на школу и образованіе*, которыхъ у насъ дѣйствительно нѣтъ и отсутствіе которыхъ, быть можетъ, порождаетъ переживаемыя нами тяжелыя бѣдствія, *а на постройку зданій для училищъ грамотности*. Но вотъ и содержаніе доклада. Н. Н. Ковалевскій, ссылаясь на то, что губернское земство, начиная съ 1867 г. и до послѣдняго времени, затрачивало на народное образованіе не больше 30.000 р. въ годъ, ограничиваясь только содержаніемъ спеціальныхъ ремесленныхъ училищъ и озабочиваясь подготовкой учительскаго персонала, указываетъ собранію, что *такая постановка дѣла отжила свое время*. Органъ земства—губернская земская управа—уже сознаетъ, что вопросъ о введеніи всеобщаго *начальнаго народнаго образованія* созрѣлъ и бьетъ ключемъ и что этотъ вопросъ у губернскаго

земства долженъ стоять на первомъ мѣстѣ. Докладчикъ указываетъ, что *при существующей постановкѣ дѣла результаты печальны и мрачны:* въ губерніи всего 523 училища; тогда какъ поселковъ, нуждающихся въ школахъ, по численности своего населенія (отъ 50 до 2000 дворовъ) насчитывается въ губерніи 1256, что изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, нынѣ могутъ посѣщать школу менѣе одной трети; что *для достиженія всеобщей грамотности* нужно выстроить сверхъ существующихъ, еще 733 училища.

Далѣе авторъ доклада, желая обратить вниманіе собранія на огромное значеніе народнаго образованія, доказываетъ, что въ извѣстной степени культурности крестьянскаго населенія одинаково заинтересованы и правительство, и представители землевладѣнія всѣхъ видовъ; что интеллигенція наша въ глазахъ людей просвѣщенныхъ никогда не перестанетъ считаться варварами, пока будетъ окружена невѣжественной массой; что фундаментъ могущества и благосостоянія народовъ зависитъ не отъ культурности, даже выдающейся отдѣльныхъ лицъ, а отъ образованія всей массы народа; что нынѣ русскому землевладѣльцу взяться ни за что нельзя съ разсчетомъ на успѣхъ, потому что, *по невѣжеству своему*, рабочій все переломаетъ, перепортитъ или разворуетъ. Правда, говоритъ авторъ, что отъ нашей грамотности далеко до заграничной культурности, но втораго шага сразу не сдѣлаешь; *нужно начать съ перваго*; грамотность не составляетъ цѣли, а лишь средство для пріобрѣтенія знаній; авторъ надѣется, что вслѣдъ за грамотностью будетъ поднята и упорядочена школа. Развивая свои положенія, г. Ковалевскій ссылается на примѣры Чехіи, Даніи, Вюртемберга. При территоріи меньшей, чѣмъ Харьковская губернія, первая имѣетъ 4945, вторая 2940 училищъ съ 7-лѣтнимъ курсомъ. Эти факты достаточно свидѣтельствуютъ, *насколько мы отстали отъ нашихъ сосѣдей, насколько мы не культурны.* Далѣе авторъ говоритъ: „Наши крестьяне стоятъ передъ дилеммой — или бѣжать и искать сибирскаго, часто предательскаго простора, *или усвоить* новую европейскую культур-

ность, *которая возможна только при извѣстной стадіи умственнаго развитія, проводникомъ которой служитъ школа.*

„На вопросъ о школѣ нельзя смотрѣть, *какъ на пустячное дѣло и либеральную забаву*,—школа глубоко вліяетъ на экономическую, духовную и политическую жизнь народа; *къ сожалѣнію, въ сознаніи мѣстнаго (?) населенія, какъ низшихъ, такъ и высшихъ его слоевъ, до послѣдняго времени не установился еще правильный взглядъ на значеніе школы*". Авторъ доклада увѣренный во всеобщемъ движеніи общественной мысли, сочувственномъ и благопріятномъ для дѣла народнаго образованія, убѣждаетъ собраніе *не останавливаться на полумѣрахъ, а взять въ руки губернскаго земства завершеніе полной сѣти школъ въ губерніи*, для чего ассигновать на нужды народнаго образованія, сверхъ существующаго бюджета, добавочную сумму въ 200.000 рублей и вносить эту сумму ежегодно въ смѣту губернскаго земства, начиная съ 1898 года. Автору жаль, что его широкій просвѣтительный размахъ урѣзывается скудостью земскихъ средствъ; предложенная сумма очень и очень мала, но, скрѣпя сердце, авторъ предлагаетъ ее только потому, что къ ней привыкли земскіе плательщики, она не будетъ чувствительна, потому что она приблизительно равна той суммѣ, на которую по Высочайшему манифесту уменьшился въ губерніи государственный поземельный налогъ. Въ виду недостаточности этой суммы для выполненія задачи всеобщаго образованія, авторъ предлагаетъ ходатайствовать передъ г. министромъ Финансовъ объ ассигнованіи въ распоряженіе земства для дѣла народнаго образованія такой-же суммы изъ государственныхъ средствъ, или предоставить земству взимать добавочный акцизъ изъ хлѣбнаго вина, потребляемаго въ губерніи. При этихъ средствахъ, по соображенію автора, въ теченіе 5—7 лѣтъ возможно основать до 800 школъ, т. е. дать каждому значительному поселку губерніи по школѣ.

Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе, по настоянію болѣе энергичной группы, отклонило закрытую баллотировку вопроса объ

ассигнованіи 200.000 рублей и при открытой подачѣ голосовъ большинствомъ 26 противъ 22 постановило внести въ смѣту расходовъ губернскаго земства на народное образованіе 200.000 р.

Въ высшей степени характерна и поучительна была постановка вопроса. Вотъ выдержка изъ печатнаго стенографическаго отчета:

„*Предсѣдатель*. Значитъ, рѣшено подвергнуть сумму открытой баллотировкѣ. Сумма, за которую высказалось больше всего голосовъ, — 200.000. Согласно-ли собраніе назначить 200.000 р.? Согласные сидятъ, не согласные встаютъ".

(Считаетъ голоса).

Сидящихъ—26; а стоящихъ 22. Большинствомъ сумма въ 200.000 р. принята.

(Продолжительные аплодисменты)".

II.

Я воздерживался отъ всякихъ комментарій, излагая содержаніе доклада, чтобы читателю удобнѣе было прослѣдить его въ цѣломъ и самостоятельно остановиться на необыкновенной его поверхностности, фельетонности. Докладъ обнаруживаетъ полный хаосъ въ понятіяхъ автора о школѣ, образованіи. культурности. Всѣ заботы объ образованіи сводятся къ ассигнованію почти произвольно взятой суммы *на постройку* зданій для училищъ; представленное о народной школѣ отождествляется съ тѣмъ училищемъ, которое нынѣ дѣйствуетъ; о внутренней жизни училища, о его пригодности для цѣлей образованія — ни слова, лишь-бы ихъ больше настроить; какова ихъ судьба будетъ—и это оставлено безъ вниманія. Докладъ совершенно игнорируетъ вопросъ, къ какой почвѣ, къ какому укладу жизни приростетъ и это училище, и эта грамотность и даже знанія, если-бы ихъ дало училище. Вперяя привычные взоры на заграничную культурность, идя путемъ сравненій для доказательства вѣрности положеній, авторъ считаетъ нужнымъ даже объяснить, что въ Чехіи, Даніи, Вюртембергѣ культурность и образованность массы вовсе не зависѣли отъ того, что

непосильными ассигновками тамъ могли настроить много школъ, а оттого, что тамъ была почва, укладъ историческій, не промѣненный, не отвергнутый и не поруганный лучшими силами народа, и на этомъ укладѣ выросло благосостояніе, культурность, школа и создалось образованіе, которое есть куда дѣвать у себя дома, никуда не уходя, ни въ канцелярію, ни на мостовую. Домъ тамъ есть, защищенный, обезпеченный, а въ домѣ живая—духовная сила, которую цѣнятъ выше всего на свѣтѣ, какъ свою славу и доблесть; тамъ гордятся живымъ, въ сознаніи, союзомъ съ отцами, дѣдами и прадѣдами... А у насъ что есть?

Пренія, вызванныя докладомъ, были очень продолжительны. Хотя они и держались преимущественно около денежной стороны вопроса, но весь характеръ преній давалъ чувствовать на каждомъ шагу сознаваемый собраніемъ пробѣлъ въ постановкѣ вопроса; около этого пробѣла держались невысказанные протесты большинства, слышавшіеся во всѣхъ преніяхъ отъ начала до конца, въ самомъ ихъ обиліи, въ ихъ пространности, въ этой уживчивости несомнѣнно искренняго сочувствія къ дѣлу народнаго образованія съ вырывавшимся на каждомъ шагу протестомъ противъ принятія предложеній доклада; чувствовали этотъ пробѣлъ и сторонники принятія доклада, основательно боявшіеся неуспѣха закрытой баллотировки и, наконецъ, онъ ярко отлился въ столь ничтожномъ большинствѣ послѣ такого одушевленія и обилія преній.

Объ этомъ пробѣлѣ въ вопросѣ, дѣйствительно назрѣвшемъ, глубокомъ, для русскаго народа всезначущемъ, хочется сказать свое слово—самъ чувствую—неумѣлое и недостаточно сильное,—потому что тутъ не вопросъ одной губерніи, въ ея частныхъ интересахъ, а вопросъ всего русскаго народа.

III.

Школа и вопросы о ней всегда были близки человѣчеству; мысль о ней всегда жила и живетъ не только среди людей благомыслящихъ и добродѣющихъ,—она жива даже среди коснѣющихъ въ

Государственная ордена Ло... БИБЛИОТЕКА С...

темнотѣ и невѣжествѣ. Мукамъ голода сострадаютъ всѣ безъ исключенія; жестокій и безсердечный крокодилъ, защищенный законностью положенія, заѣвшійся и ожирѣвшій эгоистъ, живущій мотивами своего благоутробія—и тѣ содрогаются передъ муками и невольно, по неистребимому свойству природы человѣка, протягиваютъ руку помощи, утишаютъ муки страдальца. Школа—тотъ же кусокъ насущнаго хлѣба голодающему; и это—не фраза; это именно такъ потому, что школа есть первый основатель и устроитель благополучія человѣка въ семьѣ, въ обществѣ, въ одиночествѣ. Просвѣщеніе составляетъ потребность, связанную тѣсно съ самимъ существованіемъ; оно—одинъ изъ процессовъ жизни, безъ котораго въ сущности и нѣтъ жизни. Какъ процессъ, просвѣщеніе возникаетъ съ началомъ жизни и сопровождаетъ ее до конца. Составляя принадлежность самаго бытія, просвѣщеніе, какъ и бытіе, подлежитъ всѣмъ законамъ эволюціи, или говоря простымъ языкомъ, оно въ долгой жизни, ушедшей за предѣлы исторіи, развивало, усложняло свои формы, раздвигало свои границы.

Просвѣщеніе такъ присуще жизни, что разъ явилась жизнь, явилось и просвѣщеніе, и, быть можетъ, сама жизнь—не что иное какъ актъ, который служитъ для цѣлей просвѣщенія, т. е. для раскрытія истины въ ея манящей къ себѣ, таинственной глубинѣ.

Такимъ образомъ, просвѣщеніе занимаетъ въ жизни положеніе въ ряду *первыхъ потребностей*, удовлетвореніе которыхъ безусловно необходимо какъ удовлетвореніе голода, жажды, истомы, и лишеніе этой потребности причиняетъ тѣ-же муки и страданія, причемъ послѣдствія ихъ шире объемлютъ жизнь, глубже бороздятъ ее долгими недугами, требующими много мудрости для исцѣленія. Вотъ, почему надъ вопросами о просвѣщеніи останавливается мысль самыхъ злодѣйныхъ умовъ, открытыхъ только мотивамъ своего эгоизма, вотъ почему передъ ними окрыляются лучезарныя силы умовъ, открытыхъ міру и его свѣтлому генію—Любви. Міръ страданія тяжелъ всѣмъ безъ исключенія; зрѣлища его бѣгутъ всѣ, отъ него всѣ себя защищаютъ.

Но просвѣщеніе—*одинъ изъ самыхъ сложныхъ процессовъ*

жизни: представленія, понятія, вѣрованія, знанія и убѣжденія, сложные акты всякихъ соотношеній—все это дѣло просвѣщенія; каждый, какъ глотка пищи и воды, ищетъ просвѣщенія, каждый, за отсутствіемъ руководящихъ началъ, самъ по-своему просвѣщается. Поэтому просвѣщеніе съ незапамятныхъ временъ нуждалось въ опорѣ, искало руководительства. Такою опорою и руководительницею и являлась **школа** съ своими строго опредѣленными задачами — *воспитаніемъ и образованіемъ;* то есть, она приготовляла почву, на которой насаждала просвѣщеніе, строго держась извѣстной законности въ направленіи и въ порядкѣ выполненія своей великой задачи.

Школа должна была создавать свои методы. Для проведенія ихъ въ жизнь должна была искать своихъ проводниковъ, создавать учрежденія. Явились, такимъ образомъ, проповѣди, поученія повѣствованія, былины, сказки, пословицы, лѣтопись, разсказы, повѣсти, романы, исторіографія и пр. Тутъ-же заняли свои надлежащія мѣста всякаго рода училища съ общими и частными цѣлями и задачами.

Но выше всего школа держала, крѣпче всего она охраняла свой непоколебимый и неприкосновенный авторитетъ, свое начало, свой идеалъ, къ которому въ стройномъ порядкѣ неуклонно должны были тяготѣть всѣ ея широко развившіяся отрасли. Такимъ началомъ и знаменемъ школы во всѣ времена и у всѣхъ христіанскихъ народовъ являлась Церковь, какъ воплощеніе безпредѣльной и безконечной Божественной чистоты, въ соприкосновеніи съ которой очищалась и освѣщалась душа человѣка, освобождалась отъ заблужденій и получала даръ осязанія и познаванія нетлѣнной красоты, т. е. идеала. Сохранила-ли школа стройность и цѣлость своей системы,— это вопросъ одинъ; если не сохранила, то можно-ли оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ, созерцая не только отклоненія, но полное разрушеніе этой системы—это вопросъ другой. Но оба вопроса настолько велики, что забывать о нихъ, казалось-бы, невозможно.

Очевидно, протесты, сопровождающіе вездѣ вопросъ о народ-

номъ образованіи въ Россіи, выразившіеся и въ нашемъ случаѣ ничтожнымъ большинствомъ 4-хъ голосовъ противъ 22-хъ, направлены не противъ школы и образованія, а противъ *избитой и неоправдавшей себя программы*, которая выдвигается для выполненія великаго дѣла, которая просмотрѣла полное разрушеніе системы и въ безсиліи своего неразумѣнія ведетъ къ напрасному расточенію народныхъ средствъ и упованій. Въ каждомъ обществѣ огромное большинство не примиряетъ понятія о школѣ съ тѣми разбросанными по убогимъ деревнямъ Россіи зданьицами, отъ которыхъ вѣетъ всегда какой-то заброшенностью и сиротствомъ, гдѣ собирающіяся дѣтишки вовсе не имѣютъ вида обласканныхъ и согрѣтыхъ птенчиковъ, слетѣвшихся сюда, какъ въ пріютное и теплое гнѣздышко, а похожи на нахохлившуюся стайку воробьевъ, загнанныхъ непогодой въ темное и угрюмое затишье, изъ котораго скорѣй и скорѣй-бы улетѣть, забыть его навѣты и никогда къ нему не возвращаться, лишь-бы Богъ послалъ хоть одинъ погожій свѣтлый день.

IV.

Подъ школой хочется разумѣть, и большинство, конечно, разумѣетъ—если не ясно и сознательно, то въ видѣ ропота неудовлетворенности, но всегда разумѣетъ—не тѣ или другія учебныя и ученыя заведенія, а нѣчто иное, ту силу, которую хотѣлось-бы ощущать въ этихъ учрежденіяхъ, какъ силу, льющуюся непрерывной исторической струей, силу твердо устанавливающую, указывающую прямой, твердый и неуклонный путь кверху, созданный на фундаментѣ, испытанномъ вѣками, устоявшемъ противъ ихъ тяжкихъ ударовъ. Эта сила, какъ двигательный и чувствующій нервъ въ органѣ просвѣщенія, создаетъ воспитаніе и образованіе, а затѣмъ народное благополучіе и благосостояніе; и разъ отсутствуетъ эта сила, въ училищахъ, вмѣсто просвѣщенія, поселяется духъ лжи и извращенія, котораго не желать, а бояться нужно. Этотъ страхъ всегда существовалъ и существуетъ въ русскомъ общественномъ сознаніи. Въ обществѣ *нѣтъ противниковъ про-*

свѣщенія, воспитанія, образованія; но множество противниковъ создало для себя наше училище безъ школы. Если голосовъ этихъ противниковъ училища не слышно теперь и на это ссылаются ревнители насажденія народныхъ училищъ, какъ на признакъ окрѣпшаго въ обществѣ сочувствія къ нимъ, то вѣдь это-же заблужденіе и можно-ли тутъ радоваться и ликовать надъ этимъ молчаніемъ и тишиной? Вѣдь это признакъ опустившихся рукъ, признакъ угнетенности, безнадежности, робость разрозненной, безсоюзной мысли; еще хуже, если это признакъ утраты идеаловъ и совсѣмъ дурно, если это признакъ банкротства общественной жизни.

Тамъ, гдѣ школа сохраняла свои начала, сообщала и укрѣпляла ихъ въ сознаніи массы, тамъ она способствовала и установленію такихъ учрежденій, въ которыхъ процессъ просвѣщенія могъ совершаться безболѣзненно, успѣшно достигая тѣхъ предѣловъ, до которыхъ могли простираться требованія времени. Начала эти глубоко впѣдрялись въ жизнь семьи; создавалась такимъ образомъ культура, т. е. обстановка, среди которой спокойно эти начала развивались, и переходъ изъ семьи въ училище, *охраняемое обществомъ и семьей*, совершался безъ надрыва и ломки.

Тутъ никакое дѣленіе народа на сословія, общества, цехи и пр. не могло разрывать его на части до полнаго разобщенія этихъ частей; общее начало связывало народъ одною нитью и создавало одно цѣлое — единый народный духъ, который ярко свѣтился и въ палатахъ богачей, и въ центрахъ передовыхъ знаній, университетокъ, и въ лачугѣ бѣдняка, среди безграмотства и нужды.

Этотъ духовный союзъ и создавалъ силу народовъ, а съ нею и благосостояніе, открывавшее всѣ пути къ достиженію грамотности воспитанія и образованія въ народной массѣ.

У нѣкоторыхъ народовъ Европы несомнѣнно существуетъ прочно установленная *школа*, дѣйствующая всенародно, какъ сила, *сдерживающая* и *покоряющая*.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни у одного изъ этихъ народовъ не сохранилось для школы цѣльнаго начала, вышедшаго изъ глубины временъ: тамъ историческіе перевороты давали полные изломы и

уничтоженіе міровоззрѣній, вѣрованій, всего строя жизни. Чаще всего это совершалось не силами народнаго сознанія, но силами внѣшними; современная западная школа, вколоченная въ жизнь завоевателемъ, принятая ею поневолѣ, оставляетъ огромное открытое мѣсто для принятія иныхъ, свободныхъ, быть можетъ, истинныхъ и всемірно объемлющихъ началъ, болѣе близкихъ человѣческой природѣ, чѣмъ начала, принятыя подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ насильственныхъ основателей общественнаго строя. Цивилизація, столь увлекающая къ подражанію, ослѣпляющая своимъ блескомъ до потери истиннаго представленія объ ея достоинствахъ, обладающая несмѣтными богатствами знаній и средствъ къ созданію высокихъ формъ жизни, не дала тамъ въ сущности никакихъ основаній, которыя могли-бы обезпечить хоть какое-нибудь спокойствіе, принести хоть какое-нибудь удовлетвореніе.

V.

Мы не можемъ отрицать, что изъ всѣхъ великихъ народовъ Европы одинъ только нашъ великій Русскій народъ сохранилъ начала своей школы въ цѣломудренной неприкосновенности, перенесши съ удивительной устойчивостью различные историческіе громы и испытанія. Древнѣйшія начала свои — Церковь, Царя и Міръ—онъ вынесъ на своихъ мощныхъ плечахъ изъ всѣхъ историческихъ мечей и огней, иноплеменныхъ нашествій и насилій—и не дрогнулъ. Онъ только скрылъ у себя начала этой школы и не выдаетъ ихъ, отклоняя всякіе соблазны. Всмотритесь въ этотъ народъ и вы увидите, что, если онъ не сознаетъ полнотою яснаго сознанія, то несомнѣнно носитъ въ себѣ преемство историческаго призванія и назначенія сохранить и защитить подъ своей сѣрой несокрушимой громадой терпѣнія эти великія силы для всего міра. Неподвижна школа великаго народа; въ ней нѣтъ расцвѣта, нѣтъ лучезарной улыбки будущей царицы мірового торжества, но силы ея велики, истины ея непоколебимы и вѣчны. И эта школа, стоющая народу столькихъ жертвъ, любимая и святая для него, не свѣтитъ ему, не творитъ ему законовъ, не создастъ

системы на его путяхъ къ просвѣщенію, котораго онъ жаждетъ до полной истомы. Вмѣсто *школы*, въ его жизнь ввели *училище* безъ дыханія живой силы, холодное, какъ ледъ, изъ котораго изгнана и поругана его святыня и истина; и при этомъ сказали и даже прокричали, что въ немъ благо народа и что дается оно любящей народъ рукою. Но любовь-ли это, о которой дѣйствительно такъ много повсюду говорятъ? Любовь одарена глубиной проникновенія и геніемъ творчества. Но мы ихъ нигдѣ не видимъ: повсюду одна лоскутная пестрота подражанія, надоѣвшая давно забава съ дешевыми погремушками пустоутробной гуманности, и нигдѣ не встрѣтишь серьезнаго душевнаго проникновенія въ тѣ нужды этого народа, одно творческое прикосновеніе къ которымъ создало-бы для всего міра одно изъ самыхъ величественныхъ явленій расцвѣта человѣческаго духа.

Русское общество, взявшее на себя руководящую роль, не сохранило у себя самого началъ своей народной школы. Оторвавшись отъ нихъ, мы, какъ неопытные, самонадѣянные подлетки, бросились, соблазненные и очарованные, въ міровой океанъ всевозможныхъ перекрестныхъ теченій, и тоскуя безъ почвы и единенія съ роднымъ народомъ, схватываемся, ища спасенія и уклада, за кажущіеся намъ крѣпкими устои чуждой намъ творческой руки но, не находя опоры и отрады, обрываемся и снова летимъ въ невѣдомую бездну разныхъ чуждыхъ намъ теченій все съ тою-же тоской одиночества и безпріютности и со страхомъ возврата въ родной, покинутый и забытый край.

Народъ остался одинокимъ и горько почувствовалъ и понялъ свое одиночество. Онъ видѣлъ, что силы, выроставшія изъ него, развивались не въ направленіи единенія и общенія съ нимъ, а обратно—въ направленіи отщепленія отъ него и отъ его историческаго уклада. Онъ не могъ идти съ ними въ путь, принятый на вѣру, не выстраданный народнымъ испытаніемъ, непризнанный народнымъ сознаніемъ. Народъ въ массѣ своей слишкомъ серьезенъ и глубокъ, чтобы ради призраковъ незрѣлой мысли оторваться отъ своей почвы и пожертвовать своей исторіей и ея завѣтами.

Пора вглядѣться въ эту сторону серьезно и внимательно — вопросъ слишкомъ значительный, чтобы имъ пренебрегать — и опредѣлить, можемъ-ли мы оставаться сами, безъ народа и идти избраннымъ нами путемъ въ дальнѣйшій историческій нашъ путь; должны-ли мы, признавъ этотъ свой путь окончательно и удачно избраннымъ, вести на него свой народъ насильственно съ спокойной совѣстью и съ вѣрой въ благо этого пути для него; или, наконецъ, недолжны-ли мы остановиться оглядѣться, войти въ согласіе и совѣтъ съ народомъ, разобрать и оцѣнить его вожделѣнія и вмѣстѣ съ нимъ согласно, любовно и союзно начать иное обновленное движеніе?

Но мы не можемъ любить свой народъ, пока мы таковы, какъ есть, ибо мы отъ своего народа такъ далеко ушли, онъ такъ чуждъ и невѣдомъ для насъ въ тайномъ и скрытомъ отъ насъ фазисѣ своего міровоззрѣнія, что мы давно потеряли его для нашего сердца; онъ для насъ нѣчто чужое, стоящее въ сторонѣ отъ насъ, отгороженный отъ насъ цѣлыми стѣнами, и мы только чувствуемъ, что не можемъ смотрѣть въ его сторону, не опустивши глазъ, боясь суда его правды. Любить невѣдомое, любить то, къ чему прикоснуться нельзя черезъ зіяющую бездну розни—право, невозможно, и вотъ почему любви къ народу, выдвинутой во всеоружіи правды на арену общественной дѣятельности,—у насъ нѣтъ!

Она гнѣздится еще въ невѣдомыхъ міру и обществу уголкахъ русской мысли, создающей уже истинное постиженіе и проникновеніе въ глубину народной души; но эта мысль еще стыдлива и робка, чтобы явиться съ требованіемъ общественнаго признанія.

У насъ не хватаетъ мужества задать себѣ вопросъ во всей его полнотѣ: какъ относится къ намъ нашъ народъ?

Тутъ прежде всего мы боимся той правды, что народъ совершенно не вѣритъ въ насъ, какъ въ людей, *носящихъ завѣты родины*; онъ страшится приблизиться къ намъ, вѣря, что мы потеряли его крестьянскую (христіанскую) любовь и страхъ Божій и подпали владычеству безбожныхъ силъ, разрушившихъ въ насъ всѣ силы для вѣры въ Бога, для правды Царю. Мы живемъ въ

представленіи народа той жизнью, которая устрашаетъ его несокрушенное міровоззрѣніе, покоящееся на вѣрѣ и страхѣ къ правдѣ Божіей.

Мы интеллигенты, умники, люди дѣла и серьезной мысли, смѣемся надъ всѣмъ этимъ, далеко оставшимся будто-бы позади насъ міромъ и если иногда нечаянно натыкается на него наша мысль, то мы выбрасываемъ всякіе слѣды ея, какъ ненужные обломки дѣтскихъ игрушекъ, напрасно загромождающихъ умно разсчитанное и ограниченное помѣщеніе нашего дѣловаго кругозора. Но дѣло-то въ томъ, что народъ этого нашего умнаго и ограниченнаго кругозора никогда не приметъ и не признаетъ. Любить нашъ народъ насъ не можетъ; но онъ терпитъ насъ, прощаетъ намъ и даже жалостливъ къ намъ, потому что онъ все-таки вѣритъ, что мы *будемъ* принадлежать ему, что онъ обратитъ насъ къ себѣ на свои пути, къ своей завѣтной несокрушимой правдѣ.

Вотъ, что намъ нужно ясно сознать, потому что такъ оно и будетъ. Мы не можемъ долго держаться въ атмосферѣ нашей безпочвенности, и рано или поздно придемъ къ народу и вольемся въ его огромную силу живой струей готовой энергіи, которую теперь, вдали отъ него мы такъ напрасно и суетно расточаемъ безъ всякой пользы и блага.

VI.

Тридцатилѣтнее существованіе земскаго народнаго училища дало достаточныя указанія, что этотъ способъ просвѣщенія народа не даетъ не только развитія *духовныхъ силъ*, но даже не упрочиваетъ *грамотности*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ недостаткѣ результатовъ положительныхъ, существуютъ несомнѣнные признаки деморализаціи, вносимой въ массу именно училищемъ. Достаточно указать на то, что удерживающіе грамотность, отщепляясь отъ своей среды, образуютъ цѣлыя группы пиджачныхъ пройдохъ, нравственный уровень которыхъ достаточно извѣстенъ. Ихъ нерѣдкіе матеріальные успѣхи вызываютъ соблазнъ; а между тѣмъ, окунувшись въ дѣловую суету, которая сама по себѣ без-

почвенна, входя въ нее безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, съ разбитой въ школѣ цѣломудренностью крестьянской души, наши грамотеи образуютъ крайне непріятный, вредный, глубокобезнравственный элементъ, разлагающій деревню. Посмотрите на торговыхъ мальчиковъ, на молодыхъ деревенскихъ лавочниковъ, на нашихъ сельскихъ и волостныхъ писарей, розыщите всѣхъ своихъ школьниковъ, хоть за десятилѣтній періодъ, соберите ихъ и пересмотрите. Поправятся-ли они вамъ?

Въ жизнь деревенской среды они вносятъ только одно протестующее начало отрицательнаго, чисто разрушительнаго характера. Никакихъ задатковъ творчества, ни одной черты прозрѣвшаго духа. Протестуютъ противъ собственности, протестуютъ противъ благоустройства, протестуютъ противъ Церкви, противъ порядка управленія, противъ мира, любви, вѣры и союза, *противъ уваженія къ своей средѣ*...

Вы говорите, что народъ по своему невѣжеству ломаетъ наши плуги, калѣчитъ скотъ, разрушаетъ плетни и канавы, портитъ сады, оскорбляетъ священника, убиваетъ прикащиковъ и объѣздчиковъ, и ищете спасенія въ училищѣ. Но убѣждены-ли вы серьезно, что все это отъ невѣжества? Всмотритесь лучше—вѣдь это дикій крикъ, тяжкій стонъ непроглядно сѣрой, незаслуженной, *одинокой жизни*, изъ которой выхода не видно, это—именно то явленіе *упадка духовной силы*, къ которому приводитъ *одиночество*. Представьте вы себя, интеллигента, одинокимъ, отрѣшеннымъ отъ общества лучшихъ, впередъ идущихъ людей, которые на глазахъ вашихъ, но отрѣзанные отъ васъ, безпомощнаго, забытаго, оставленнаго, пользуются благомъ общенія и движенія, уносящаго ихъ отъ васъ куда-то далеко, и вы почувствуете всю тяжесть угнетенія: духъ падетъ, духовная острота исчезнетъ, обовьетъ васъ своей тьмою злоба и зависть, вы опуститесь и станете порочнымъ. *Одиночество* нашего народа, а *не невѣжество и безкультурность* его—въ этомъ пора уже убѣдиться—дѣлаетъ его отдѣленной отъ свѣта темной массой, хранящей великія непостигаемыя нами силы, прикрытыя видимою нами мерзостью его пороковъ.

До любви къ этой массѣ, которую она давно отъ насъ заслужила, мы еще не дозрѣли; мы переживаемъ только волнующіе насъ упреки совѣсти въ отношеніи нашей неправды къ народу, а съ нимъ и нашей неправды къ своему отечеству и ко всѣмъ его завѣтамъ. Народъ чувствуетъ наше интеллигентное пустоутробіе, чувствуетъ, что и въ отношеніи Церкви и государства мы форменны, корректны, приличны и лицемѣрны, но не искренни, не проникнуты и не преданы величію этихъ коренныхъ своихъ основъ.

Народъ боится двинуться къ намъ; онъ устойчивъ въ своемъ сѣромъ терпѣніи и отрицаніи насъ, потому что не хочетъ нашей интеллигентной пустоты. Онъ самимъ Промысломъ Божіимъ (и не смѣйтесь надъ этой правдой, культурные просвѣтители!) призванъ сохранить то, безъ чего наше отечество существовать не можетъ и что мы, интеллигенты, давно уже растратили и выбросили изъ души нашей, удержавши только нѣкоторое приличіе въ видѣ лицемѣрной важности.

Наша корректность, подавляющая масса внѣшности безъ глубины проникновенія въ то, что мы называемъ своимъ долгомъ; безъ силы чувства къ любимому и почитаемому,—совершенно опустошили нашъ внутренній міръ, разрушили нашу культурность и лишили насъ всякихъ творческихъ силъ.

Съ внѣшней стороны видна повсюду дѣловая занятость, трудъ кипитъ: работаетъ безчисленное множество всякихъ комиссій въ земствахъ, въ городахъ, въ министерствахъ и департаментахъ, работаютъ частныя общества, благотворители, работаютъ надъ упорядоченіемъ жизни, потому что всѣмъ-же видно, какъ таютъ народныя силы во всѣхъ слояхъ, таютъ въ голоданіи, въ болѣзняхъ, въ нуждѣ и раззореніи, падаютъ въ духовномъ распадѣ пресыщенія, и вся эта бездна работы, всѣ эти огромные капиталы идутъ попусту, мимо вожделѣній, надеждъ и упованій страны и народа.

Вслушайтесь въ эти рѣчи, въ эти пренія, въ такъ называемое живое слово всѣхъ этихъ общественныхъ представителей! Васъ непремѣнно покоробитъ эта натянутость пафоса, выставочность,

сквозь которую такъ и сквозитъ ложь, форма безъ существа; вы видите, какъ самыя искреннія и горячія стремленія таютъ и разрѣжаются, попадая въ пустыя пространства безпочвенности; васъ поражаетъ, наконецъ, удивительная, присущая только русскому обществу черта—это полное отсутствіе согласованныхъ понятій и рѣшеній самыхъ основныхъ вопросовъ, касающихся строя и основаній нашего внутренняго устройства. Мы благоговѣемъ передъ народами, создавшими великія блага цивилизаціи; мы видимъ ихъ гордость и преклоняемся предъ той силой, съ которой они оберегаютъ всѣ особенности свои, всѣ начала своего уклада, и тутъ-же сами устыдились и отказались отъ всего своего, покрыли великимъ срамомъ неуваженія все, созданное своей исторіей и, какъ дикари, бросили свое золото, серебро и жемчуги въ ихъ грубыхъ, но многогранныхъ слиткахъ и самородкахъ, и не понявъ, не оцѣнивъ ничего великаго и цѣннаго въ блескѣ творчества другихъ народовъ, нахватали отъ нихъ всякихъ бусъ, гремящихъ, блестящихъ, ужасно пустыхъ и разбивающихся отъ всякаго къ нимъ серьезнаго прикосновенія. Вотъ, гдѣ источникъ скорби за русскаго человѣка!

VII.

Въ нашемъ общественномъ сознаніи совершенно твердо установились симпатіи къ школѣ и желаніе ея водворенія; но совершенно обратное отношеніе создалось къ училищамъ. Это раздѣленіе понятій и отношеній совершенно понятно. Оставляя въ сторонѣ учебныя заведенія высшихъ разрядовъ, можемъ-ли мы подъ нашими народными училищами всѣхъ типовъ—земскими, церковно-приходскими, министерскими и пр.—разумѣть *школу*, когда въ нихъ и *слѣда какой-бы-то ни было школы нѣтъ* и когда весь неуспѣхъ нашихъ народныхъ училищъ и всѣхъ просвѣтительныхъ для народа предпріятій—библіотекъ, читаленъ, лекцій и пр.—зависитъ именно оттого, что во всемъ этомъ *нѣтъ зародыша и признаковъ школы*, искомой и желаемой русскимъ народомъ, подъ руководствомъ которой могло-бы идти развитіе и подъемъ его духовныхъ и экономическихъ силъ?

Вотъ, почему мы видимъ, что ти училища окружены попеченіемъ, указаннымъ только постановленіями разныхъ собраній, совѣтовъ и пр. и *совершенно лишены общественнаго движенія въ ихъ сторону:* они въ сущности страшно одиноки и сиротливы.

Измѣните ваши курсы, найдите правду дѣла, и всѣ придутъ къ вамъ, поклонятся вашей правдѣ и принесутъ свои богатыя лепты; исчезнутъ ваши нынѣшніе мнимые сторонники, дающіе вамъ вмѣсто искренности и глубины одну улыбку притворства, создающіе на ней свою славу просвѣщенныхъ народолюбцевъ.

Вы только взгляните, какіе милліоны сыплятся въ ту-же удушливую тѣсноту нашей ограниченности, изъ которой вывести некому огромныя силы благоволенія безконечно мощнаго въ добрѣ русскаго сердца!

Строятся благотворителями столовыя, клиники, больницы, пріюты, дома трудолюбія и пр., и пр.; огромныя силы рвутся къ дѣлу добра и не находятъ мѣста и почвы, чтобы создать это добро, и идутъ эти силы въ бездонную пропасть русскаго одиночества, беззащитности, отчаянія и безвыходности, бросающихъ душу человѣка въ бездну одичанія.

И мы равнодушно смотримъ, какъ эти великія силы благоволенія расточаются въ затхлой атмосферѣ всякихъ язвъ, порожденныхъ и порождаемыхъ дѣловой ограниченностью первенствующихъ слоевъ; мы превращаемъ эти силы и эти богатства въ какіе-то пластыри для покрытія гноящихся мѣстъ и не смущаемся, что и этихъ огромныхъ пластырей все мало и мало, а язвъ все больше и больше становится.

Начнемъ дѣлать дѣло истинное, и, повѣрьте, всѣ эти огромныя силы и несмѣтныя богатства придутъ къ намъ, и мы будемъ сильны, богаты и осѣнены любовью народа и родины. А теперь, вы видите, не идутъ эти силы къ намъ, своихъ у насъ мало и даже меньше, чѣмъ мы думаемъ, принимая за наши силы этотъ звонъ пустѣйшихъ бусъ, которыхъ вокругъ насъ такъ много болтается.

Мы создавали и грамотность, и знанія, но вопросамъ образованія и воспитанія всегда отказывали въ глубинѣ и зрѣлости пониманія.

И мы видѣли, что безъ образованія и эта грамотность, и эти знанія выводили человѣка изъ простора общечеловѣческой мысли и замыкали его въ созерцаніи самого себя, въ кругѣ заботъ о своемъ благѣ. Мы порабощали стремленія *общественныя*, развивая стремленія *профессіональныя*, и создали *царство профессіи*. Профессія усвоила себѣ типичную обстановку, типичные пріемы и манеры и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоила поражающую духовную одеревенѣлость и неслыханную тупость въ пониманіи общественныхъ началъ; она пріобрѣла право произвола и свободу дѣяній, недопускаемыхъ и отрицаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, прикрывъ ихъ законностью положенія неуязвимымъ прилчіемъ обстановки.

Просвѣщеніе выводитъ человѣка изъ тѣсноты личнаго существованія; оно создастъ побужденія, двигающія не внутрь себя, а наружу, на свободу отъ себя. Знанія тутъ являются орудіемъ, открывающимъ путь къ этой свободѣ и простору.

VIII.

Говоря о народномъ образованіи, мы совершенно не хотимъ отдать себѣ отчета, что эта задача скрываетъ въ себѣ неумолимое требованіе создавать строй и укладъ общественной жизни, отвѣчающій самобытному характеру народа, сложившемуся исторически. Отсюда народъ только и можетъ черпать свои творческія силы, и вводя въ его жизнь искуственныя и ложныя основанія, мы подрѣзываемъ эти силы, создаемъ опасную слабость и неустойчивость, рискуемъ наконецъ судьбой народа.

Останавливая мысль о народномъ образованіи на училищѣ безъ самыхъ серьезныхъ желаній идти настойчиво къ созданію и развитію этого строя, мы предрѣшаемъ безнадежность нашихъ усилій, притомъ настолько очевидную, что эти усилія никогда не создадутъ себѣ искренняго сочувствія, не призовутъ къ себѣ силъ творческихъ. Тутъ только и возможно одно *лицемѣрное фразерство безъ малѣйшаго душевнаго движенія*. Усиленіе этого ложнаго движенія служитъ только признакомъ, что до дѣла истиннаго еще далеко, что оно не поразило еще ни ума, ни души на-

шего руководящаго общества. Разъ этого строя не только не существуетъ, но даже и мысли о немъ, хоть сколько-нибудь объединенной въ общественномъ сознаніи, еще нѣтъ, то и училища, сколько-бы ихъ ни настроили, сами по себѣ ничего не создадутъ. Образованіе должно-же опираться на какія нибудь начала твердыя, принятыя общественнымъ сознаніемъ и поставленныя на ту высоту, которой подобаетъ благоговѣніе и поклоненіе. А гдѣ-же у насъ эти высоты, гдѣ это благоговѣніе и поклоненіе? Мы все низвергли, надъ всѣмъ насмѣялись!

Училище грамоты ни знаній, ни образованія не даетъ; едва ли это нужно доказывать. За нимъ остается значеніе весьма слабаго, просто ничтожнаго техническаго навыка, который, не имѣя живаго приложенія, неизбѣжно долженъ исчезнуть. И такимъ образомъ, отъ всего этого шума и волненій по поводу народнаго образованія остается одна химера и растрата усилій и средствъ. Послѣ столь долгаго опыта право, можно было-бы требовать большаго.

IX.

Около сорока лѣтъ назадъ началась для насъ эра новой жизни съ перспективами необъятно широкими. Вступили мы въ нее, какъ новорожденные младенцы, безъ опыта и подготовки, съ чисто дѣтскими порывами къ свѣту, въ которомъ зрѣніе не различало отдѣльныхъ предметовъ. И да будутъ прощены намъ многія тяжкія и грѣшныя ошибки! Дѣтство наше протекло удивительно быстро и какъ-то безслѣдно. Но на немъ еще всецѣло отразилось вліяніе воспитательной руки до-реформенныхъ отцовъ, сообщившей ему искренность и чистоту порывовъ съ силами, доходившими до самопожертвованія; но за то порывы эти были совершенно безплодны: ни опыта, ни систематическихъ знаній, ни навыковъ практики, ни обоснованныхъ убѣжденій—ничего тутъ не было. Устои старины были отвергнуты; новыхъ не было создано и даже опредѣлено; а между тѣмъ, вмѣстѣ съ старой рухлядью, потерявшей цѣнность, были выброшены всѣ нажитыя вѣками безцѣнныя сокровища.

Молодость наша зрѣла уже при полной растратѣ основъ старой

школы; порывы мало-по-малу обращались въ фразу, самопожертвованіе—въ погоню за новыми формами комфорта, за новыми условіями, создававшими видное положеніе. По мѣрѣ того, какъ старые люди гибли въ заброшенности, одиночествѣ и раззореніи, все безкультурное, жадное и развращенное, сдерживавшееся раньше на заднихъ дворахъ, выскочило впередъ и начало свою ужасную оргію. *Лучшія руководящія силы совершенно отказались смотрѣть вглубь своей страны, въ душу своего народа* и искать въ нихъ началъ грядущей новой жизни; всѣ взоры обратились на Западъ, повернувшись спиной и къ странѣ, и къ народу; и въ концѣ концовъ реформу, весь міръ поразившую своимъ величіемъ, мы превратили въ колоссальную, неисчислимую растрату нашихъ богатствъ и нашего духовнаго міра!

Реформа была такъ торжественна и величественна, что она подѣйствовала на русское общество, какъ аффектъ; она ошеломила лучшія его силы и не могла не внушить сознанія сдѣланнаго великаго подвига. Хотѣлось съ гордой головой, на которой грезились лавры, стать въ ряды передовыхъ силъ міра. Тогда не могли понять, что для этого нужна не только освободительная, т. е. въ сущности только отрицательная, но и *огромная творческая работа*. Но силы страстныхъ порывовъ слишкомъ гнали впередъ, мѣшали задуматься и сосредоточиться; готовыя формы въ видѣ блестящихъ чарующихъ успѣховъ западной цивилизаціи были слишкомъ на виду, соприкасались съ нами, охватывали насъ своимъ вліяніемъ; мы отдались легкому успѣху подражанія и быстро оцивилизовались извнѣ; но не успѣли и оглянуться, какъ, провозгласивъ свободу, сами очутились въ рабствѣ и преклонили колѣна передъ объѣдками, падавшими съ барскаго стола Европейца, никогда насъ не любившаго, всегда презиравшаго и смѣявшагося надъ нами.

Такъ съ реформой 1861 года и не создалась у насъ творческая работа на своей почвѣ.

Естественно, что одними пересадками готовыхъ чужихъ формъ мы не могли ничего сдѣлать для своего народа. Прежде всего, мы натолкнулись на необыкновенную трудность насажденія новыхъ

началъ, встрѣтивъ со стороны народа упорное сопротивленіе. Не всмотрѣвшись въ сущность и основы этого упорства, мы не замедлили назвать это сопротивленіе глубокимъ, непроницаемымъ *невѣжествомъ* народной массы. Мы не могли, конечно, понять нашимъ, уже порабощеннымъ сознаніемъ, что не въ невѣжествѣ нашего народа тутъ вина, а въ томъ, что народъ настойчиво и упорно съ обычнымъ молчаніемъ и терпѣніемъ *отрицалъ видимое ему заблужденіе, обѣщавшее Россіи разрушеніе всѣхъ основъ*, которыя народу были дороже всякихъ заморскихъ выдумокъ. Такъ и не поняли другъ друга и разошлись въ разныя стороны до полнаго разрыва, раззнакомились до того, что перестали уже другъ друга и узнавать. Но руководящій слой не могъ уже отказаться отъ высокой миссіи просвѣщать темную массу; звучало головокружительное слово „прогрессъ“, и всѣ, очертя голову, ринулись занимать мѣста въ рядахъ передовыхъ дѣятелей. Одни выдумывали типъ народнаго училища, образцовыя больницы, говорили народу горячія рѣчи, навязывали ему чужія, непонятныя ему доктрины; другіе строили эти училища и больницы, не забывая себя, и безъ лишнихъ затѣй составляли хорошія состоянія, посмѣиваясь изъза угла надъ чудаками, а для почета вдвигая и себя въ ряды передовыхъ дѣятелей.

Много силъ и лучшихъ побужденій, много великой душевной красоты легло здѣсь прахомъ. Напрасно или нѣтъ—объ этомъ говорить не будемъ: исторія даетъ свои правдивые выводы для назиданія грядущихъ поколѣній.

X.

Главная ошибка земства была въ томъ, что оно стало диктовать своимъ органамъ программы, *не создавши почвы, не организовавши земскихъ единицъ*. Не будемъ касаться полноты и послѣдовательности самихъ программъ; каковы-бы онѣ ни были, все равно, онѣ были обречены упереться въ пустоту. Эту участь одинаково и горько дѣлили и земская медицина, и земское училище—эти самыя крупныя статьи земскихъ программъ.

Подъ именемъ почвы мы тутъ разумѣемъ именно *организацію основной земской единицы*, каковою, съ точки зрѣнія исторической правды, долженъ явиться *приходъ* во всеоружіи развитыхъ союзныхъ началъ.

Земству нашего времени пора-бы уже болѣе серьезно оглядѣться вокругъ себя и дать оцѣнку своей обстановкѣ. Опытъ четырехъ десятилѣтій былъ слишкомъ суровъ и жестокъ; онъ далъ такія явленія жизни, надъ которыми надо-же, наконецъ, остановиться и задуматься: деревня гибнетъ, разлагается, голодаетъ, развращается, болѣетъ, вырождается; деревня утратила всякую экономическую самостоятельность и отдана въ руки биржи, беззащитная въ своей безсоюзности. Училище не только не повышаетъ духовнаго уровня, но не даетъ даже грамотности, медицина не помогаетъ, и роль ея ничтожна въ сравненіи съ цѣнностью ея организаціи; деревенскіе люди все больше и больше опускаются, обезличиваются и озвѣряются среди разрозненности и одиночества, безъ вліянія союзныхъ началъ, удерживающихъ и ведущихъ человѣка къ высотѣ совершенствованія; Церковь понесла огромныя утраты своихъ великихъ силъ: она потеряла силу обличенія и наставленія, потеряла силу утѣшенія, примиренія, соединенія, вспомоществованія; сама она алчетъ и жаждетъ, проситъ и вымогаетъ, остываетъ, не согрѣтая пламенемъ вѣры и упованія; теряетъ свое достояніе въ лицѣ откалывающихся отъ нея и не оплакиваетъ своихъ утратъ, чувствуя, что нѣтъ силы у нея вернуть ихъ къ себѣ и дать имъ радостный пріютъ у своего остывшаго лона. На всемъ истерзанномъ и изломанномъ организмѣ деревни *не осталось буквально ни одного живаго и защищеннаго мѣста*, куда можно было-бы приложить хоть какое-нибудь начало дорба, чтобы оно не соскользнуло и не утонуло въ этой безбрежной пустотѣ безпочвенности.

Неужели земская мысль, остановившись на незрѣлыхъ попыткахъ своей молодости, не въ силахъ сдѣлать ни одного свѣжаго шага навстрѣчу ужаснымъ знаменіямъ времени?

Неужели и теперь еще можно серьезно вѣрить, что училище,

медицина и другія земскія учрежденія нынѣшняго строя составляютъ подлинную программу земскаго дѣла? Земство, получивъ право самоуправленія, находилось, безспорно, въ положеніи чрезвычайно трудномъ и осложненномъ слишкомъ острымъ вліяніемъ момента. Дореформенный строй деревни со всѣмъ своимъ укладомъ былъ поколебленъ до основанія; разлилось огромное движеніе отрицанія и охватило все то, что должно было войти въ новую жизнь, какъ историческое основаніе, охраняемое и неприкосновенное. Духъ отрицанія коснулся всего, все было поругано, все было омрачено уронами и испытаніями.

Земство очутилось въ пустомъ пространствѣ; у него не оказалось жизнеспособнаго уцѣлѣвшаго объекта, не оказалось никакой организованной единицы. Дореформенная земская единица, слагавшаяся на союзѣ Церкви, помѣстнаго дворянина-душевладѣльца и крестьянина-раба, раскололась и начала быстро разлагаться. Всѣхъ коснулось одиночество, этотъ ужасный бичъ, разлагающій душу человѣка. Никому тогда и въ голову не приходило, что въ разложеніи этой единицы лежитъ *гибель творческой силы реформы*. Въ союзѣ, связывавшемъ эту единицу, было одно звѣно, грѣховное и несправедливое—рабство; но созрѣлъ вѣковой протестъ, бившійся два столѣтія къ ряду непрестаннымъ пульсомъ; рухнули неправда и насиліе, и реформа провозгласила *другія начала* **Союза**, (но не распада), взятыя ею прямо изъ глубины исторія православнаго русскаго государства. Реформа совсѣмъ была чужда идеи розни и разложенія этого союза; она, напротивъ, внесла въ земскую единицу, *признавая истинность и законность ея историческаго происхожденія*, новыя союзныя силы, освобождала ее отъ гнета исторической ошибки, измѣняла и упраздняла *строй* этой единицы, но безусловно требовала сохраненія ея. Эта идея ярко запечатлѣна на темной бронзѣ медали, выпущенной въ 1861 году въ видѣ чудной эмблемы союза подъ лучами Всевидящаго Ока.

Очевидно, что работа земства по водворенію *подлиннаго земскаго дѣла* чрезмѣрно затруднена рядомъ долгихъ историческихъ

ошибокъ. Но остановиться передъ этимъ невозможно. Необходима программа, которая коснулась-бы могучей рукой самаго существа современнаго положенія деревни, и первымъ параграфомъ этой программы должно являться *водвореніе союзнаго начала по идее реформы 1861 года.* Тутъ мы прямо наталкиваемся на безусловную необходимость организаціи *прихода* на точныхъ историческихъ его основаніяхъ. *Здѣсь* надо создать союзную силу и *на не* укрѣпить *экономическое благосостояніе.* Съ этого момента у насъ явится насажденіе истинной народной школы, двинется просвѣщеніе, явится образованіе, создастся училище не съ искуственными рамками теперешнихъ шаблонныхъ программъ, а съ живымъ отвѣтомъ на запросы жизни, движущейся въ своемъ развитіи.

Задача трудная, что и говорить! Взяться за нее съ плеча земству одной губерніи, значитъ предрѣшить провалъ великаго русскаго дѣла. Программы организаціи земства на почвѣ прихода могутъ быть выработаны *только объединенными силами всего русскаго земства* послѣ долгой и упорной подготовки у себя дома и работъ на всероссійскихъ съѣздахъ выборныхъ лучшихъ людей земства. Отказаться отъ этой работы невозможно, выхода нѣтъ; она — прямой выводъ изъ всѣхъ долгихъ опытовъ; она — *законное и безусловное требованіе нашей исторіи.*

Можно-ли съ нею откладывать—судите сами. Да и для чего? Все то, что мы видимъ, чувствуемъ, понимаемъ, указываетъ намъ, что жить тою жизнью, которой мы живемъ, становится далѣе невозможно: тяжело, душно, безотрадно; нѣтъ мысли, нѣтъ вѣры. Одиночество оковало всѣхъ, поразило душу, заперло ее подъ притертую пробку кое-какого личнаго, случайнаго, ненадежнаго существованія. Не рвется душа къ простору бытія, не слышно дыханія его живой силы въ цѣпяхъ порока, зависти, алчности и вражды. Нѣтъ, откладывать не надо: *пора за подлинное земское дѣло* въ немъ вся сила и мощь и все упованіе Россіи.

Карловка
Харьковск. губ.

Изобрѣтатель и хищники Александра Шиллера съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Цѣна 10 к.

Ложь. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ Е. Зеландъ-Дуббельтъ. Ц. 40 к.

Исповѣдь русскаго изобрѣтателя И. Д. Булыгина. Цѣна 15 коп.

По поводу виленскаго тоста г. министра Юстиціи. А. Пороховщикова. Ц. 20 к.

Женщина и католическая исповѣдь. Свящ. Шипкин. пер. съ французскаго Непогрѣшимаго. Цѣна 1 р.

Земство, школа, приходъ. Иванъ Косовичъ, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова

Гг. выписывающіе непосредственно изъ Конторы „Русскаго Труда“ (Захарьевская д. 3, Спб.) за пересылку не платятъ.

„Русскій Трудъ“.

Открываемъ подписку на **третій** годъ нашего изданія. Установивъ прочно нашу каѳедру и создавъ органъ печати всецѣло посвященный жизненнымъ нуждамъ и живому дѣлу родины, мы имѣемъ право желать, чтобы нашъ голосъ раздавался не въ тѣсномъ кружкѣ, но слышался вездѣ въ Россіи, чтобы въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ общественномъ собраніи и библіотекѣ имѣлся хоть одинъ экземпляръ «Русскаго Труда» Да, мы имѣемъ на это право, ибо то, что говорилъ и будетъ говорить «Русскій Трудъ» не праздная болтовня, не шаблонныя писанія ремесленниковъ пера, не городскія сплетни, а строгая, продуманная и выстраданная мысль. Мы **не убаюкиваемъ, а будимъ**, мы ищемъ выхода для нашей родины изъ тѣхъ злоключеній и бѣдствій, которыя становятся **слишкомъ уже невыносимыми**. Мы тщательно собираемъ голоса, разбросанныхъ по Россіи честныхъ и независимыхъ людей, способныхъ вглядѣться и вдуматься въ нашу современность, мы допрашиваемъ факты и цифры, ища правды, и высказываемъ эту правду, **какъ-бы горька она ни была**.

Это не фразы, не пустая похвальба. Два первыхъ года «Русскаго Труда» налицо. Направленіе и программа нашего изданія, полагаемъ, выяснились достаточно. Мы не принадлежимъ ни къ какой литературной *партіи*, (хотя и раздѣляемъ воззрѣнія славянофильской *школы*), а наша программа въ двухъ словахъ: *независимость Россіи*. Независимость духовная, политическая, экономическая, бытовая, борьба со всякими теченіями, стремящимися изуродовать, обезличить, или закабалить русскаго человѣка.

На первомъ планѣ въ этой борьбѣ *за русскаго человѣка* мы *пока* ставимъ экономическіе и спеціально финансовые вопросы. Такъ нужно, ибо въ нихъ теперь ключъ ко всему. «Русскій Трудъ», не слагая оружія, боролся все время со вздорными экономическими теоріями, налагавшими столь непосильныя испытанія на нашу родину и, смѣемъ увѣрить, кое что сдѣлалъ. А впереди еще больше работы, ибо кромѣ стороны отрицательной, нужна положительная. **Необходимо отыскать выходъ для русскаго земледѣлія**, для несчастной сельской Руси, **уже впадающей въ отчаяніе**. Мы вѣримъ, что этотъ выходъ найдется, ибо къ «Русскому Труду» приливаютъ новыя и новыя силы и можетъ быть, ему суждено будетъ стать органомъ нашего культурнаго возрожденія.

* * *

«Русскій Трудъ» выходитъ безъ предварительной цензуры еженедѣльно Кромѣ обязательныхъ нумеровъ, былъ разосланъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, составляющихъ въ общей сложности не менѣе девяти-двѣнадцати лишнихъ нумеровъ. Между прочимъ: **СБОРНИКЪ** изъ произведеній И. С. Аксакова, Епископа Порфирія, А. А. Башмакова, П. П. Аксакова, С. О. Шарапова. П. В. Оля. Г. В. Бутми, К. С. Аксакова. «**Капиталы**

4 ОКТ 194

и долги» Георгія Бутми. **«Сѣверный морской путь»** В. Кельина и Н. Чукмалдина. **«Деньги земледѣльческой страны»** А. Фролова. **«Мнимое перепроизводство серебра»** П. Оля и С. Шарапова. **«О русскомъ церковномъ управленіи»** статьи протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. **СБОРНИКЪ «Теорія государства у славянофиловъ». «Притязанія Германіи на турецкое наслѣдство». Изобрѣтатель и хищники.** А. Шиллера. **Исповѣдь русскаго изобрѣтателя** Н. Д. Булыгина. Выйдутъ: **«Реформа русской грамматики»** Н. Лагова, **«Мое отрочество»**, Н. Чукмалдина и др.

«Русскій Трудъ» состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. **Передовыя статьи** по различнымъ выдающимся общественнымъ вопросамъ. II. **Общіе вопросы** внутренней жизни Россіи, ея просвѣщенія, управленія, науки, быта. III. **Церковные вопросы.** Религіозная жизнь и бытъ русскаго народа съ точки зрѣнія христіанской любви и свободы. IV. **Иностранный отдѣлъ.** Разборъ выдающихся явленій во внѣшней политикѣ. Письма изъ иностранныхъ земель и статьи V. **Экономическій отдѣлъ.** Статьи по вопросамъ земледѣлія, промышленности финансовъ. VI. **Обмѣнъ мнѣній.** Письма и возраженія редактору и отвѣты редактора. VII. **По душѣ.** Простая и откровенная бесѣда на темы, наиболѣе наболѣвшія въ общественномъ быту (родъ фельетона). VIII. **Литература и искусство.** Оригинальныя и переводныя беллетристическія произведенія. Критика и библіографія. Чужія мысли и недомыслія (обзоръ газетъ и журналовъ). IX **Шутки ради.** Серьезная политическая и общественная сатира. Шаржи и пародіи X. **За недѣлю. дома и заграницею.** Отчетъ о событіяхъ въ сжатомъ видѣ.

На первой страницѣ обыкновенно помѣщаются портреты русскихъ и иноземныхъ выдающихся дѣятелей, художественно выполненные, а также изображенія важныхъ событій. Статьи техническаго содержанія иллюстрируются чертежами, картами и пр.

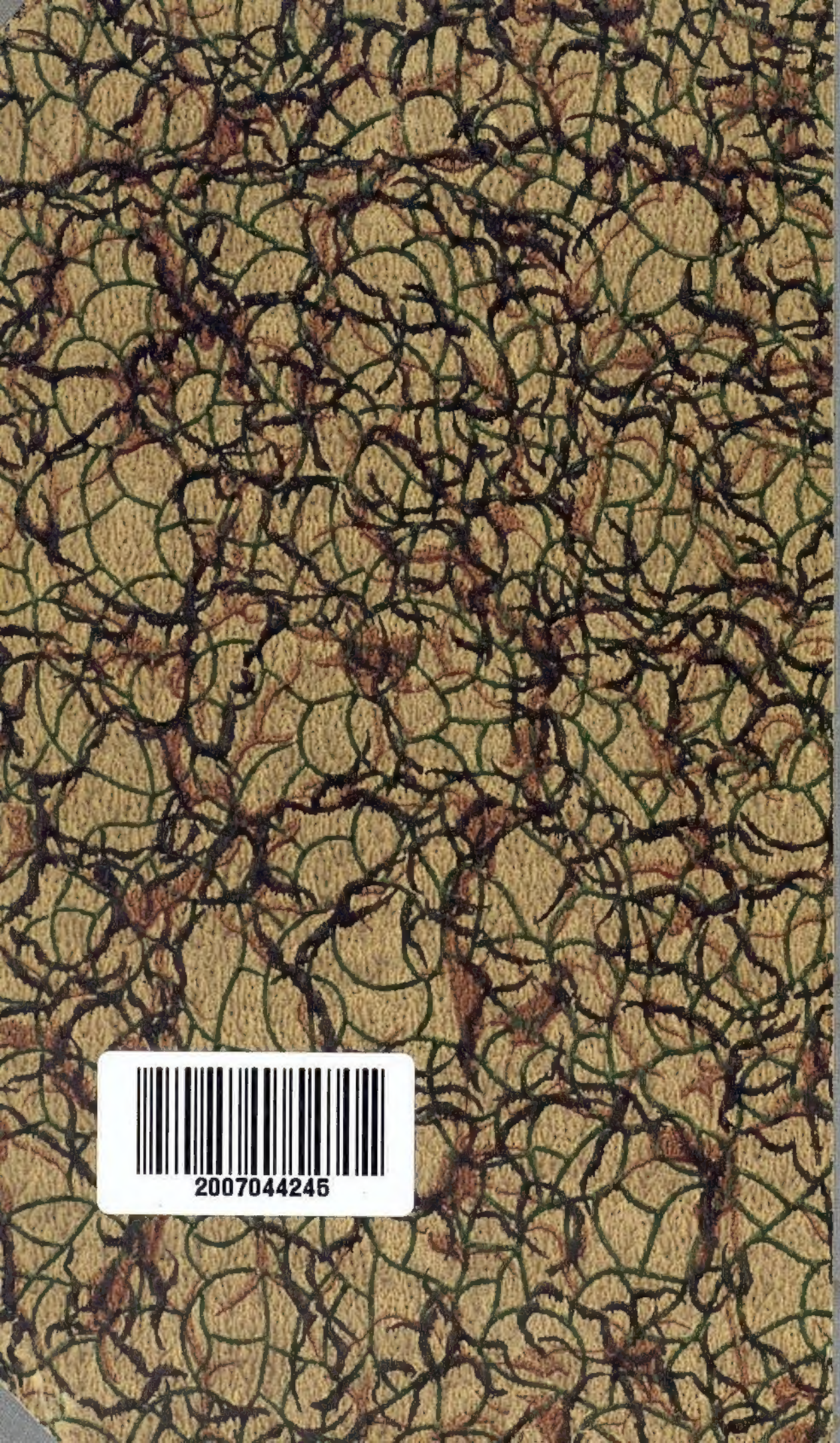
Принимали до сихъ поръ участіе въ „РУССКОМЪ ТРУДѢ“ слѣдующія лица:

Н. П. Аксаковъ. А. А. Башмаковъ, Л. Г. Богаевскій (проф.), Г. В. Бутми В. А. Бѣлинскій, Аѳ. В. Васильевъ, Н. Х. Вессель, В. В. Витковскій. (проф.) А. И. Воейковъ (проф.), А. С. Вязигинъ, А. Ѳ. Головинскій, К. Ѳ. Головинъ (Орловскій), А. В. Горскій-Платоновъ (проф.), И. А. Гофштеттеръ, П. Н. Давыдовъ (предв. двор.). А. С. Дедюлинъ. Н. А. Дингельштедтъ, И. С. Дурново, Н. А. Дурново, Н. Н. Дурново, А. В. Евреиновъ (предв. двор.), Н. Е. Зинченко, Е. А. Зеландъ-Дуббельтъ, П. П. Зубовъ (предв. двор.), В. С. Карцевъ, В. Ѳ. Кельинъ, А. А. Кирѣевъ, А. М. Кисель, В. Н. Кораблевъ, С. А. Корбе, И. А. Коссовичъ, К. С. Красильниковъ, В. С. Кривенко. С. П. Леонтовичъ, И. И. Меньшенинъ, И. И. Мещерскій, В. Монигетти, А. Ѳ. Морокинъ, М. П. Мясоѣдова, Н. Нелюбовъ, К. Ф. Одарченко, П. В. Оль, А. В. Пазухинъ, В. К. Петерсенъ, Н. А. Пановъ, Ѳ. Подоба, А. Пороховщиковъ, А. Д. Полѣновъ, Е. А. Предтеченскій, В. Ѳ. Пуцыковичъ, Е. И. Рагозинъ, Л. А. Рафаловичъ, В. В. Розановъ, И. Ѳ. Романовъ, (Рцы), М. А. Родевичъ, Ѳ. Э. Ромеръ, Я. А. Ростовцевъ о. Влад. Рюриковъ, (свящ.), А. Сабо, М. А. Савельевъ, А. А. Стаховичъ (предв. двор.), К. Смольницкій, А. Н. Соколовская (врачъ), Панта Сретковичъ, (проф.). А. А. Титовъ, К. К. Толстой, П. С. Толстой, Эдм. Тэри-Д. А. Тимирязевъ, бар. Н. И. Тизенгаузенъ, А. Н. Фроловъ, Н. М. Чукмалдинъ, кн. А. Гр. Щербатовъ и др. лица.

Условія подписки: На годъ (съ 1 янв.) **8** руб., на полъ года **4** руб. на три мѣсяца (съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля и 1 окт.) **2** руб. съ доставкой и пересылкой. За границу на годъ 10 р. на полгода 5 р. Контора Редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, домъ № 3. **Для ознакомленія желающихъ нѣсколько нумеровъ высылаются безплатно.**

Редакторъ-издатель ***Сергѣй Шараповъ.***

Типографія А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.



2007044245